

Федоров Леонид Леонидович

Загадка капитуляции Бреслау

Я родился 31 августа 1924 года в городе Уфе Башкирской АССР. Мать, Федорова Мария Ивановна (урожденная Михайлова), была учительницей. Отец, Федоров Леонид Федорович, был служащим. Национальность – русский. По вероисповеданию - атеист.

В 1942-1944 годах состоял в ВЛКСМ, а с 1944 по 1991 год был членом КПСС.

С февраля 1977 года являюсь членом Военно-научного общества при ЦДСА имени М.В. Фрунзе (ныне – Культурный центр Российской Армии).

До начала войны я окончил 9 классов средней школы №5 города Уфы. В августе 1942 года я окончил Краснохолмское пехотное училище Оренбургской (тогда Чкаловской) области. В январе 1944 года окончил Рижское военно-пехотное училище в городе Стерлитамак Башкирской АССР, где обучался в офицерском батальоне.

Утро 22 июня 1941 года помню очень хорошо. Радиосообщение Молотова В.М. о начале войны я услышал, находясь в саду нашего дома. Помню, еще подумал тогда, что лето после окончания девятого класса не будет скучным! Но мы считали, что через 2-3 недели война уже закончится вступлением легендарной и непобедимой Красной Армией в Берлин.

Мое участие в боевых действиях началось с попытки поступить в Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе в январе 1942 года. Но я не прошел медкомиссию из-за сильной близорукости. Но уже 22 февраля 1942 года я был вызван в Кировский райвоенкомат города Уфы. Оттуда в команде сверстников я был направлен в город Чкалов (ныне Оренбург) в Краснохолмское военно-пехотное училище, где обучался в пулеметном батальоне. 25 августа 1942 года я был выпущен из училища с присвоенным воинским званием лейтенанта со специальностью командира пулеметного взвода.

После этого была военная служба в частях Южно-Уральского военного округа и обучение в офицерском батальоне Рижского военно-пехотного училища.

В феврале 1944 года я прибыл под город Харьков в 39-й запасной офицерский полк 2-го Украинского фронта. В рядах этого полка, входившего в состав действующей армии, я прошел через города Смела, Александрия, Бельцы и ряд других, всю Украину и Молдавию.

В конце апреля - начале мая 1944 года я получил назначение в 52-ю армию, а затем в 50-ю стрелковую дивизию, в 3-й батальон 2-го Краснознаменного стрелкового полка, находившегося в обороне под Яссами (Северная Румыния).

В 3-м батальоне 2-го Краснознаменного стрелкового полка, как лейтенант, командир пулеметного взвода пулеметной роты в конце мая - начале июня 1944 года я участвовал в тяжелых оборонительных боях под Яссами. Затем, с 20 августа 1944 года в той же должности участвовал в Яско-Кишиневской наступательной операции и в освобождении городов Яссы и Хуши в Румынии.

В этих боях почти до конца войны моим 2-м стрелковым полком командовал майор, а позднее подполковник, Твердохлебов А.Н., погибший в бою в начале Берлинской операции в апреле 1945 года.

50-й стрелковой дивизией с марта 1944 года и до конца войны командовал гвардии полковник Рубан Н.А., 52-й армией командовал гвардии полковник Коротеев К.А., 2-м Украинским фронтом руководил тогда генерал Конев И.С., впоследствии ставший маршалом, а с мая 1944 года генерал Малиновский Р.Я., позднее также получивший звание маршала Советского Союза.

По завершении Яско-Кишиневской операции в октябре 1944 года, 52-я армия и 50-я стрелковые дивизии, получившие большое пополнение из Башкирии, были введены в состав 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева И.С. Моей пулеметной ротой в то время стал командовать капитан Пронин К.С., прибывший с Ленинградского фронта после тяжелого ранения.

С 12 января 1945 года началась операция по прорыву обороны противника на Сандомирском плацдарме.

22 января мы перешли границу Германии. 25 января 1945 года, после тяжелых боев, с участием нашей дивизии был захвачен город Ельс, а 27 января дивизия и наш 2-й полк вышли к реке Одер в восьми километрах северо-западнее Бреслау.

29-30 января 1945 года части дивизии с боем форсировали реку Одер, захватив плацдарм на его западном берегу. На этом плацдарме моей роте целые сутки под непрерывным огнем пришлось отражать атаки противника, пытавшегося ликвидировать наш прорыв.

16 апреля 1945 года началась Берлинская операция, в ходе которой наша дивизия и мой полк с боями форсировали реку Нейсе, и продвигались на соединение с союзниками в направлении Гёрлиц и Дрезден.

1 мая 1945 года, после капитуляции Берлина, мы участвовали в освобождении городов Рейхенбах, Бернштадт, Циттау (Южная Германия), а затем и в освобождении Чехословакии с ее столицей Прагой.

Во всех этих многочисленных и кровопролитных боях мой взвод и пулеметная рота поддерживали огнем пулеметов «Максимов» наступление и оборону стрелковых рот нашего 3-го батальона 2-го Краснознаменного стрелкового полка. В каждом бою было много убитых и раненных.

За время войны я получил два ранения и контузию.

6 июня 1944 года в оборонительных боях под Яссами. Я был тяжело контужен и потерял слух. Лечился в медсанбате дивизии. Откуда в июле вернулся в роту, на передовую, с частичными нарушениями слуха.

23 сентября 1944 года, в вагоне эшелона, мой сослуживец лейтенант-пулеметчик Ведерников при чистке неисправного трофейного пистолета «Парабеллум» произвел

выстрел, прострелив мне обе руки и особенно сильно повредив левую кисть. Лечился я в полковом медпункте. В госпитале мне предлагали ампутировать половину левой ладони, но от этого я отказался. И через неделю был выписан в часть с открытыми ранами, но как годный к строевой службе.

Последнее ранение я получил в начале апреля 1945 года в Германии. Тогда осколок разрывной пули, выпущенной немецким снайпером, вошел мне в заднюю часть бедра, немного выше колена. И опять я лечился в роте, не покидая строя.

Война закончилась для меня 11-12 мая 1945 года под Прагой. Я был в звании лейтенанта, командира пулеметного взвода, заместителя командира пулеметной роты под командованием всех названных выше командиров. Всех, кроме погибшего Твердохлебова А.Н., которого сменил в должности командира 2-го Краснознаменного стрелкового полка подполковник Болдырев В.С.

В СССР наши дивизия, полк и батальон возвращались через Польшу (города Краков, Освенцим, Перемышль). Летом 1945 года батальон нашего полка участвовал в уборке урожая в Германии.

В этом последнем походе мы потеряли комбата Зюсько.

Из моих близких родственников в войне никто не погиб. Был на фронте мой старший брат Федоров Евгений Леонидович, 1923 года рождения. Он награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», юбилейными медалями.

Мой родной дядя по матери, Михайлов Иван Иванович, воевал сержантом, старшиной в артиллерийском противотанковом дивизионе. Был награжден орденом Красной Звезды, солдатскими орденами «Славы», юбилейными медалями.

В начале 1947 года моя 50-я стрелковая дивизия была расформирована. Я был назначен командиром зенитно-пулеметного взвода в полк механизированной стрелковой дивизии Прикарпатского военного округа. Оттуда летом 1947 года поступил на морской факультет Военно-юридической академии в городе Москве. После её окончания в феврале 1952 года я проходил военную службу в органах военной прокуратуры на следственных и прокурорских должностях, в

том числе, в Главной военной прокуратуре. В сентябре 1974 года, с выслугой в 37 лет в льготном исчислении, из-за болезни был уволен из Главного штаба ВМФ СССР в звании полковника юстиции. В настоящее время работаю преподавателем в московских вузах.

Весь мой путь служения Родине отмечен несколькими орденами и наградами.

За участие в Яско-Кишиневской наступательной операции от имени Президиума Верховного Совета СССР приказом командира 48-го стрелкового корпуса от 9 октября 1944 года я награжден орденом Отечественной войны II-й степени, (№ 330095).

За освобождение в ночном бою у немецкого села Михау, где мне пришлось не раз поднимать солдат в атаку, я был представлен к ордену Красного Знамени. За это же от имени Президиума Верховного совета СССР приказом командира 73-го стрелкового корпуса от 10 марта 1945 года я награжден вторым орденом Отечественной войны II-й степени, (№777666).

В марте 1985 года в ознаменование 40-летия Победы в ВОВ Указом Президиума Верховного Совета СССР я был награжден орденом Отечественной войны I-й степени, (№ 537216).

Также я имею медаль «За боевые заслуги» (без номера) и более чем двадцать медалей за другие заслуги, в основном, юбилейные, в том числе «За освобождение Украины», «100 лет профсоюзам» и другие.

За участие в боях мне объявлено пять благодарностей от имени И.В. Сталина.

Указом Президента РФ от 30 марта 1993 года присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РФ» за № 05599.

Решением Министерства общего и профессионального образования РФ от 17 июня 1998 года № 273-п присвоено ученое звание профессора.

Приказом Министерства образования и науки РФ № 1700/к-н от 28 ноября 2007 года я награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (удостоверение № 27298).

В 2004 году издательство «Вираж» тиражом 1000 экземпляров выпустило мою книгу «Записки пулеметчика и юриста», которую я распространял по музеям, учебным заведениям, дарил ветеранам, студентам.

В 2007 году Московский государственный университет печати издал мою книгу под этим же названием, но в более полном варианте. В ней я рассказываю не только о войне, но и моей послевоенной жизни. Тираж этого издания всего 150 экземпляров.

В период многолетней преподавательской деятельности в Московском полиграфическом институте (ныне Московский государственный университет печати) издал в качестве учебных пособий книги «Книга и право» (1982 и 1994), «Договорные отношения в печати» (1994), «Печать и гражданский кодекс» (1997), «Правовые основы информационной и издательской деятельности в России» (2004). Все эти, и ряд других, работ изданы в Московском государственном университете печати как учебные пособия.

Мною также написано и издано в специальных отраслевых юридических изданиях и газетах более 100 статей. Среди них хотелось бы особо отметить статью «Как придумали партию», напечатанную в №5 журнала «Родина» за 1990 год. В ней я рассказываю о проводимой мною в 1955-1956 годах проверке по знаменитому делу о реабилитации многих членов «Промпартии». За эти же два года мне пришлось проверить дела и добиться реабилитации многих граждан, в том числе наших бывших военнопленных.

В 1986-1987 годах, по просьбе моих сослуживцев, военных моряков, я взял на себя защиту в судах города Ярославля капитана первого ранга в запасе Волкова В.А. Ему тогда грозило пожизненное заключение в психиатрической больнице. Я выступил в его защиту в районном и областном судах города Ярославля и доказал его невиновность и добился освобождения. А после, в судебном порядке, помог ему получить материальную компенсацию. Об этом случае писали местные и центральные газеты.

С 1983 года по 1995 год мне пришлось доказывать властям, что о прославленном снайпере 50-й стрелковой дивизии лейтенанте Галушкине, несправедливо забыли. Его снайперский счет за годы Великой Отечественной войны

достиг 418-ти уничтоженных не рядовых фашистов. По недосмотру и невниманию командования он не был в конце войны представлен к заслуженному званию Героя Советского Союза. А продолжавшаяся десятки лет после войны переписка с ГУК МО СССР, а затем РФ, долгое время была безрезультатной из-за равнодушия, прежде всего военных, чиновников. В конце концов, мне удалось их убедить в своей правоте и указом Президента РФ Б.Н. Ельцина №619 от 21.06.1995 года, т.е. на 51-м году Победы, Галушкину Н.И. было присвоено звание Героя России.

Об этом случае я рассказал в статье «Как не повезло снайперу Галушкину», которая вошла в состав специального сборника работ Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии. (Издательство «Мосгорархив». -М. 1997. С. 223-226).

Обо мне, как о ветеране 50-й стрелковой дивизии, написали авторы книги «Дорогами мужества» Ганичев Д.В. и Муриев Д.З. Также было несколько публикаций в многотиражных газетах МГУПА «Полиграфист», «Мир печати».

Для лейтенанта пехоты уцелеть во многих тяжелых, кровопролитных боях было очень, очень маловероятно. А потому главной своей наградой за войну я считаю то, что остался жив. К тому же, я еще и не стал беспомощным калекой.

Самые лучшие мои, самые теплые воспоминания - о моих солдатах, сержантах, моих боевых побратимах. Ведь как поется в известной военной песне: «Забудем мы годы минувших боев, названия пройденных рек и лесов, отбитые нами в боях города, но мы не забудем друзей никогда!»

Свой взвод из-за молодости и малого роста некоторых солдатиков, я называл «детсадом», жалел их как младших братьев.

В еще одной очень выразительной песне о войне есть такие слова: «И не все доходили до Днепра и до Буга, и не все в сорок пятом брали штурмом Рейхстаг. Только все мы от смерти заслоняли друг друга, только все мы к победе совершали свой шаг!» Поэтому всегда с большим теплом и любовью вспоминаю наших офицеров Ведерникова Н.,

Дербинова А., сержантов-сибиряков Амарина Д.П., Стефиенко А., Иванова В., офицеров и солдат, с которыми не раз приходилось быть в бою перед лицом смерти.

Но особенно хорошие, я бы даже сказал братские отношения, были у меня с командиром нашей пулеметной роты капитаном Прониным Константином Сергеевичем. Он был на 6-8 лет старше меня, но мы называли друг друга просто по имени. Костя был родом из деревни под Казанью, до войны прошел кадровую службу. В боях под Ленинградом получил серьезное ранение и после лечения в госпитале города Тихвина прибыл в наш полк и батальон. Из-под осажденного Ленинграда Костя привез песню, которую я запомнил на всю жизнь:

Клянусь: назад ни шагу!
Скорее мертвым сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам!
Клянусь: мы будем квиты!
Врагам даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед.
А если я нарушу ту клятву, что даю,
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,
Суровой мерой мерьте
Позор моей вины.
Пусть покарат смертью меня закон войны!

Удивительные по своей выразительности и простоте слова, идущие прямо из сердца. Их торжественная мелодия помогала нам, не жалея себя, в боях стоять до конца.

Костя был очень добр, называл солдат «милок» или «сынок». А если вдруг случалось нам выпивать по 50 фронтных грамм, то помню, что он любил петь песню «Летят утки...»

После дня Победы Пронин был отстранен от командования нашей ротой. Мне, как его заму, офицеры, сержанты и солдаты заявили, что они не хотят нового командира и требуют вернуть Пронина. Мне пришлось идти к замполиту полка майору Макиевскому и передать ему

требование роты. К большому удивлению всех, и офицеров прежде всего, Пронина нам вернули. Он командовал ротой до увольнения в запас в 1946 году. Уволившись, он уехал в город Тихвин, где жила его знакомая девушка, с которой он переписывался, и на которой он потом женился.

В 1963 году, в молодом еще возрасте, Костя, мой лучший и любимый ротный, скончался. Очень жалею, что не навестил его, не встретился с ним после войны, тем более, что в 1958-1963 годах я служил совсем рядом, в городе Выборге.

Более подробно мне хотелось бы рассказать о боях за Бреслау. Делаю это я по двум причинам. Во-первых, меня интересует загадка капитуляции этого города. А о второй причине речь пойдет чуть ниже.

Итак, Бреслау (сегодня это польский город Вроцлав с почти миллионным населением) был крупнейшим промышленным центром юго-восточной Германии, её земли Силезии.

С Берлином он был связан не только железнодорожным сообщением. Между Берлином и Бреслау еще до войны Гитлер построил широкую многополосную автостраду (с односторонним движением), без всяких пересечений с другими дорогами, населенными пунктами. Эту дорогу в битве за Берлин наши летчики использовали как взлетно-посадочную полосу.

Войска нашей 52-й армии в ходе январского наступления 1945 года были нацелены прямо на немецкие города Ельс и Бреслау.

22 января 1945 года части дивизии перешли немецко-польскую границу и вступили на территорию фашистской Германии. После упорных многодневных боев нами был захвачен город Ельс, расположенный в 18-ти километрах северо-восточнее Бреслау. За взятие Ельса дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени, многие ее солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями.

И хотя бои за Ельс были особенно упорными и ожесточенными, стоили нам немалых потерь, город Бреслау вошел в историю войны как пример особо упорного и длительного сопротивления окруженной в нашем тылу крупной группировки гитлеровцев.

На протяжении более трех месяцев наши войска не могли взять этот город. Он, по сути, город-крепость на Одере, был окружен нашими войсками еще в конце января – начале февраля 1945 года, а его окруженная и оставшаяся в нашем тылу группировка фашистов сдалась лишь за два дня до безоговорочной капитуляции Германии, 6 мая 1945 года - позднее капитуляции Берлина.

Оставаясь в глубоком тылу наших войск, эта группировка отвлекала значительные силы и представляла большую угрозу тылу и флангам 1-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов в битве за Берлин.

Еще большую угрозу для нас в этой битве представляла южная группировка противника в Чехословакии, насчитывающая более 1,5 миллиона солдат и офицеров, сотни танков. О численности же немецкой группировки в Бреслау можно судить по цифре пленных, взятых 6 мая 1945 года. По данным наших источников, в Бреслау пленено было более 40 тысяч фашистских солдат и офицеров.

Нашему батальону и моей пулеметной роте бои под Бреслау и в его пригородах запомнились крайним упорством, значительными потерями, особенно в напряженных уличных боях среди многоэтажных домов, узких дворов и улиц в пригородах.

В этих городских боях тяжелые пулеметы и их расчеты представляли просто живые мишени.

Живыми мишенями на кадрах фронтовой кинохроники я оцениваю расчеты «Максимов», тянущих свои пулеметы на катках по плотно застроенным узким улицам и дворам, среди развалин домов крупных европейских городов.

Какое-то время мы стояли в обороне северо-западнее Бреслау, причем даже не отрыв окопов полного профиля, не давая противнику уйти из окруженного города. Как выяснилось позднее, противник и не собирался покидать город.

Если древнюю столицу Польши, город Краков, войска нашего фронта просто обошли, не штурмуя противника в нем, чем спасли этот город от разрушения огнем артиллерии и авиации, то в Бреслау было совершено иное. Будучи окруженной в городе и его ближайших окрестностях, сильная группировка противника с яростью и отчаянием обреченных

обороняла каждый поселок, буквально каждый дом и двор, переходя в решительные контратаки при нашем самом малейшем продвижении вперед.

Наступление на окруженный город мы начали рано утром 12 февраля 1945 года при очень сырой и туманной погоде. Прямо перед нашим батальоном, в 600-700 метрах от наших окопов, находилась хорошо подготовленная к обороне деревня Капсдорф.

После непродолжительного артиллерийско-минометного огня по деревне стрелковые роты нашего батальона стали продвигаться к деревне, к её крайним домам, откуда противник вел непрерывный пулеметный и автоматный огонь.

Правда, огонь его был малоэффективным, поскольку стоял густой туман, кроме того, наши саперы подожгли дымовые шапки, покрывавшие нас не очень плотным дымом.

Я шел, как обычно, впереди своих пулеметных расчетов, сразу же за цепью стрелков. Мои же пулеметные расчеты вынуждены были тянуть «Максимы» по изрытому в сплошных ямах картофельному полю, а потому не успевали за стрелками. В сплошном тумане и в дыму впереди были видны лишь вспышки пулеметных и автоматных очередей противника. Цепь же наших наступающих солдат была очень редкой и продвигалась под огнем, на огонь противника почти не отвечала. И вот, когда до крайних домов деревни оставалось не более 150-200 метров, туман и дым стали рассеиваться, я услышал крик солдат, что убит заместитель командира нашего батальона старший лейтенант Чернов.

Красивый, черноволосый мужчина лет 27-30, Чернов был любим солдатами, имел много наград, в том числе и высокие ордена. Не успел я еще осознать это сообщение о гибели Чернова, как кто-то из солдат впереди меня буквально панически закричал: «Немцы сзади!» Оглянувшись назад, я увидел в метрах 30-40 сзади и несколько левее себя двух немецких пулеметчиков.

Очевидно, в сплошном тумане и дыму наша редкая цепь, не заметив, миновала их неглубокий окоп, и они оказались за нашей спиной.

Немецкие пулеметчики тоже поняли, что они оказались отрезанными от своих, за нашей цепью, в её тылу. Но сдаваться, как видно, они не собирались.

Время для раздумий у меня не было, я видел, что пулеметчики, сидя в неглубоком окопчике, и оказавшись за спинами наших солдат, в спешке переставляют пулемет.

Ближе всех к этим пулеметчикам оказался я. С пистолетом в правой руке и гранатой на поясе, я быстро, как только мог, бросился к их окопу. У меня была только одна мысль: «Успею ли я до них добежать, или они опередят меня, сумеют открыть огонь в спины наших солдат раньше, чем я спрыгну в их окоп». При этом я думал также, что если они успеют установить пулемет и откроют огонь, то мне придется бросить в них гранату.

Мне повезло, очевидно, они себя не очень уверенно чувствовали за спинами нашей роты и действовали в нервной спешке.

Но когда я подбежал к ним, пулемет они уже установили. Я с ходу ударил его сапогом, и он завалился на землю. Направив на них пистолет, я закричал: «Хенде хох!», и они оба подняли руки. Чтобы не попасть под выстрел снайпера, стрелявшего с чердака ближайшего дома, я спрыгнул к ним в их неглубокий окоп и держа их под прицелом, наблюдал за окружающей обстановкой.

В этот момент справа от меня показался старший сержант Марков, и он направился ко мне. Я даже не успел его предупредить, чтобы он ко мне не подходил, как выстрел с чердака дома поразил Маркова в грудь, и он упал на землю в 10-12 метрах от нашего окопчика. Затем справа от нас показался наш командир расчета, высокий рыжий грузин Чиховадзе. Он подцепил «Максим» к какой-то лошади и шел с нею к деревне. Увидев меня, он на какое-то время остановился в раздумье, хотя я ему кричал: «Не подходи!» И вот пуля, очевидно того же стрелка из деревни, задела его лошадь, она рванулась к деревне, Чиховадзе за ней, и это его спасло от повторного выстрела. Здесь же неподалеку от меня был убит Карась. Не знаю, что их влекло ко мне, очевидно, желание помочь. После боя один из сослуживцев, кажется Былда, говорил мне, что он видел меня рядом с немецкими пулеметчиками, но помочь мне, к сожалению, не мог.

Не исключено, что кто-то рассчитывал на трофеи, в том числе на наручные часы, которые были у многих немцев, у

наших же солдат и многих офицеров таких, да и вообще часов, не было, а поэтому в бою их часто снимали с пленных.

Далее события развивались так. Марков лежал недалеко от меня и стонал, ему надо было оказать помощь. Но, если я отойду от немцев хоть на шаг, они быстро возьмутся за свой пулемет. Кроме того, на расстоянии даже 2-3 шагов от них я сам буду прекрасной мишенью для снайпера с чердака, который сразил, как оказалось, и старшего лейтенанта Чернова и всех остальных. Поэтому, отобрав у немцев перевязочные пакеты, я приказал одному из них, показывая на Маркова: «Бинден, бинден!» Немец вдруг ответил мне, что Марков уже молчит, что он убит. Очевидно, Марков, у которого изо рта шла кровавая пена, хотя и находился в полубессознательном состоянии, услышал эти слова немца и негромко сказал: «Лейтенант, я жив еще!» В конце концов немец вышел из окопа и начал перевязывать Маркова. Через 15-20 минут первые наши солдаты подошли к крайним домам деревни, раздались взрывы гранат, недружные крики «Ура!», и, очевидно, был уничтожен снайпер на чердаке, прикрывавший взятых мною пулеметчиков.

Ко мне свободно подошли отставшие наши солдаты, и я передал им пленных пулеметчиков, приказав отвести их в наш тыл.

Правда, не имея часов, я проверил их запястья, но часов у них не обнаружил. Как я узнал позднее, немцы научились прятать от нас свои часы, надевая их под рукав выше запястья или даже скрывая в других местах. В качестве трофея, я забрал у кого-то из них светло-коричневую солдатскую записную книжку с рамочкой для любимой девушки «Meine Lieben» и адресами, а также фотографию одного из них - молодого долговязого парня примерно моего возраста.

Кстати, на обороте той фотографии сохранилась четкая чернильная запись: «Этот фриц был взят мной вместе со своим 2-м номером и пулеметом 12. 02.1945 под деревней Капсдорф в окрестностях Бреслау».

7 февраля, за пять дней до этого боя, моряк Василий Былда подарил мне свою маленькую фотографию со следующей хорошо сохранившейся карандашной надписью на обороте: «Другу боев на территории немцев. Моему Ленечке усатому, смелому Федорову от Васи Былды. Германия 7.2.45».

Когда я, освободившись от пленных, вошел в только что занятую нами деревню, то там уже во всю хозяйничали наши солдаты, а местных жителей, как всегда, в ней не было.

У одного дома я увидел брошенный в грязь и затоптанный парадный военный мундир с наградами, очевидно еще за Первую мировую войну. И мне невольно подумалось, что как быстро проходит мирская военная слава. И не придет ли время, что наши боевые награды, за которые заплачено такой большой кровью, кто-то будет также топтать, бросив в грязь.

Обозленные гибелью Чернова и других, наши батальонные автоматчики здесь же, на окраине деревни, на виду у бежавших от нас немцев расстреляли сдавшихся в плен.

Я еще сказал им, что в следующем поселке, который был виден в 1,5 километрах от нас, нас ждет еще более упорное сопротивление и жестокий бой, коль скоро немцы видят, как мы поступили с пленными. И хотя я оказался прав, вряд ли мои доводы убедили кого-то из явно нетрезвых автоматчиков.

И действительно, бой за пригородный поселок Гюнерн с его большими, многоэтажными домами, узкими улицами и дворами оказался еще более жестоким, продолжался весь день, стоил нам немалых жертв, в том числе и моим пулеметчикам.

При этом, видя большие дома этого поселка, по сути городскую застройку, я даже сказал Пронину, что в уличных боях в таком поселке с тяжелыми разбираемыми и собираемыми для стрельбы «Максимами», мы понесем совершенно напрасные потери, что нам просто эффективнее и полезнее будет действовать с обычными автоматами и ручными гранатами в составе штурмовых групп.

Ротный же отнесся к моим словам весьма негативно: «Как же мы оставим свое штатное оружие – пулеметы? Как отнесется к этому командование? Как отнесутся солдаты стрелкового рот, которых мы поддерживаем?»

Короче, нам в этом бою на протяжении целого дня пришлось действовать с тяжелыми пулеметами и потерять некоторые из них, а, прежде всего, многих пулеметчиков.

Не помню даже, была ли у нас артиллерийская подготовка или поддержка, когда рано утром мы двинулись на этот пригородный поселок.

Мы довольно быстро заняли его крайние дома, улицы и дворы, противник отходил в глубь поселка, жителей же в нем не было вообще. Задача стрелковой роты, которую я поддерживал, была выйти к каналу, захватить мост через этот канал и там закрепиться, т.е. занять оборону у моста и на берегу канала.

Однако, попав в брошенный город с закрытыми магазинами, богатыми домами и квартирами и не встречая особого сопротивления немцев, солдаты роты разбрелись кто куда. Примерно до обеда мы находились в поселке, не продвигаясь дальше из-за этой нашей беспечности. Зайдя в дом с ковровыми дорожками на лестницах, с оленьими рогами и большими зеркалами на стенах, похожий на замок, я сам оделся в немецкий генеральский мундир и один ходил по этому дворцу, рассматривая себя в его многочисленных, во всю стену, зеркалах.

Слева же от дома находилась обычная городская улица с такими же многоэтажными домами. В какой-то момент я сообразил, что если в замок войдут наши солдаты, то они просто могут меня застрелить в таком виде. Бросив генеральский мундир, я вышел к роте, которая заняла большой многоэтажный дом с небольшим двором и бетонным сарайчиком с плоской крышей справа, выходящим на довольно большой пустырь правее нас. В этом сарайчике стоял один мой пулемет, другие же были во дворе и в доме. Воспользовавшись нашим промедлением, тем, что мы к этому времени не вышли к каналу с бетонированными берегами и не захватили мост через него, противник начал активную контратаку. Его автоматчики при поддержке танков, самоходных пушек устремились в нашем направлении по улице и находящемуся справа пустырю.

Стоя на крыльце дома, выходящем во двор, вместе с Былдой, я приказал солдатам занять в доме круговую оборону.

Пулемет из сарайчика вел непрерывный огонь по наступающим автоматчикам, причем явно демаскировал себя длинными очередями. Я хорошо понимал все опасности нашего положения при полном окружении дома.

Прежде всего, немецкие танки и самоходки будут бить по моим пулеметам. Поэтому я вывел из сарайчика весь расчет, оставив у пулемета только одного рядового

Фахрутдинова. Он же, войдя в азарт, продолжал бить длинными очередями, не подпуская к нам автоматчиков. Находясь от него в 10-15 метрах, на крыльце дома, я несколько раз крикнул ему: «Короче очереди!» Но он то ли не расслышал, то ли просто в горячке боя не думал о последствиях, хотя дым и пыль этих очередей явно демаскировали пулемет.

И вот буквально на наших глазах из-за угла соседнего дома выдвинулось самоходное орудие, навело свой ствол на сарайчик, прозвучал выстрел и взрыв снаряда, и тяжелая крыша сарая стала медленно, как в замедленной съемке, опускаться. «Конец Фахрутдинову», - только и успел подумать я.

Но, нет, обхватив окровавленную голову обеими руками, он успел выскочить из-под падающей крыши, и подбежал к нам. Стоявший за моей спиной Былда, сказал: «Леня, я ранен!» Откровенно сказать, я ему сначала не поверил, поскольку осколки этого снаряда скорее должны были поразить меня. Но Василий действительно был ранен осколком в грудь. Здесь же был также ранен мой солдат Пальчиковский.

После поспешной перевязки раненых, я приказал им уходить в тыл. Не помню, когда ушел Былда, но мои раненые солдаты уходить отказались, хотя я буквально гнал их, пока еще можно было уйти. Понимая, что без Былды мне будет трудно удержать солдат его роты, если они начнут в панике отходить или бежать из окружаемого дома, оставив нас с пулеметами в этом дворе, я решил заранее отвести второй «Максим» за занимаемый нами дом. Дав эту команду, я тут же увидел, что подбежавшие метров на 70-100 немецкие пулеметчики быстро установили свой ручной пулемет. И когда рядовые Калинин и Окунев, взяв «Максим» за хобот, перебежали открытый двор, первой же очередью немецкого пулемета Окунев был убит, Калинин же выскочил к нам за кирпичный забор с простреленной пулей окровавленной правой рукой. Пулемет же их оказался брошенным посередине открытого двора, под обстрелом немецкого пулемета. Пулемет Фахрутдинова под тяжестью рухнувшей крыши сарая был явно разбит и спасти его было совершенно бесполезно.

Но оставить противнику второй пулемет? Понимая, что послать людей за этим пулеметом под вторую очередь немцев

я просто не смогу, и думая, что мне самому придется его вытаскивать, я лишь вслух сказал: «Надо вытащить!» И тут же сержант Чиховадзе буквально метнулся во двор, схватил хобот пулемета и в два-три прыжка оказался около нас, в укрытии от огня немцев.

К сожалению, Чиховадзе позднее был ранен в этом же бою. Но был представлен к высокой награде и получил за свой подвиг орден Ленина, что по сути было второй наградой после звания Героя.

Окунев был молодым солдатом и погиб в этом бою при передвижении «Максима». Что же касается Калина, то скорее всего он остался без руки, поскольку его правая ладонь была разворочена разрывной пулей. Калину было более 40 лет, это был высокий, красивый, черноволосый с проседью, черноглазый мужчина из Брянской области. До войны он работал бухгалтером, имел двух взрослых дочерей, фотографии которых показывал сослуживцам.

Ведерников иногда ему полушутя-полусерьезно говорил, что после войны хочет познакомиться с его дочками. И однажды в минуты откровенности Калинин мне сказал: «Лейтенант Ведерников – матершинник, а Вас бы я со своими дочерьми охотно познакомил!»

Далее занятого нами рубежа мы все же не отходили, и к вечеру, после нескольких упорных контратак противника поселок Гюнерн, пригород Бреслау, был полностью в наших руках. Не более 2-3 дней мы стояли в этом поселке в обороне.

Здесь я где-то взял новую коричневую кожаную немецкую куртку на байковой подкладке и стал ходить в ней, сдав старшине свою шинель. Помню также, что найдя в одном из домов малокалиберную винтовку и патроны к ней, я стал стрелять из нее по различным целям, в том числе по немецким курам. Но через какое-то время мне стало жалко этих кур, и стрельбу по ним я прекратил.

В эти же дни обороны к нам в роту пришел капитан-корреспондент нашей дивизионной газеты «Вперед к победе!» Ему очень понравилась моя кожаная куртка, и он просил меня при занятии другого населенного пункта достать ему такую же. Скорее из вежливости, чем реально, я обещал выполнить его просьбу. Может быть поэтому, благодаря моему, вряд ли выполнимому обещанию, один из февральских номеров нашей

дивизионной газеты был целиком посвящен нашей пулеметной роте.

Читая газету, мы даже не верили, что это написано про нас, о наших солдатах, так мы все примерно и благородно выглядели на страницах печати. Так на фронте я впервые познакомился с четвертой властью, властью печати, которая может и вознести не по заслугам и покарать без вины, правда, тогда в условиях жесткой партийной цензуры, партийного руководства печатью.

Буквально через 2-3 дня вечером мы снялись с обороны и двинулись батальонной колонной на север, на другой участок фронта. Мне немного нездоровилось, очевидно была простуда, и я впервые прилег на нашей повозке.

И вдруг на марше в колонне раздался взрыв. Был ранен комбат капитан Схоменко и несколько солдат. Как оказалось, один из солдат не разрядил гранату и не закрепил чеку ее взрывателя. Взрыватель сработал, и граната взорвалась в колонне.

Уже в 80-х годах в Москву на встречу ветеранов дивизии приехал из Уфы бывший младший сержант нашего батальона, а во время нашей встречи офицер милиции Ахмеров Хамит. Он был немногословен, и когда я ему рассказал об этом взрыве гранаты, он молча засучил рукав и показал мне шрамы от осколков этой гранаты.

Оставив занятые нами предместья окруженного, но не взятого нашими войсками Бреслау, мы более к этому городу уже не возвращались и дальнейшие бои за него не вели.

И, как сказал мне уже спустя много лет после войны, бывший комдив Рубан Н.А., в этом нам даже повезло, поскольку в связи с длительным и упорным сопротивлением окруженной группировки в Бреслау, многие наши военачальники были сняты с должностей и наказаны за безрезультатность своих действий под Бреслау.

Бои за Бреслау являются особенно убедительным, наглядным примером того, что наши тяжелые, постоянно собираемые и разбираемые пулеметы, их расчеты представляли для противника живые мишени. Они были уязвимы и, по сути, беззащитны против фаустников, снайперов, минометов и пулеметов противника, не говоря уже о танках, самоходных пушках, любых артиллерийских

орудиях. Наши «Максимы» были все же пулеметами начала XX века, а не его середины. Это отмечала даже немецкая разведка, оценивая нашу оборону Ленинграда и отмечая устарелость нашего стрелкового оружия и особенно пулеметов.

И наши пулеметчики времен Великой Отечественной войны несли очень большие и напрасные потери из-за тяжести, устарелости и уязвимости своего оружия. Их художественный образ в лице безногого сержанта-пулеметчика в галерее художника Шилова постоянно напоминает мне об этом, не позволяет быть равнодушным. Не говоря уже о том, что тяжелые «Максимы» пулеметчики часто, даже в длительных переходах, носили на себе, возили на повозках, запряженных добытыми лошадьми, быками и т.п.

У писателя Е. Носова есть рассказ «Переправа», в котором комендант переправы на пограничной реке не пускает в Европу наших пулеметчиков с повозкой, запряженной... верблюдом! И если офицер-комендант видит в этом позор нашей армии, то сами пулеметчики не видят в этом ничего особенного: верблюд их здорово выручал во многих боях и походах на нашей земле.

Эти мои фронтовые наблюдения и выводы подтвердили многие участники войны, и особенно пулеметчики, прочитавшие мои «Записки...». От них я узнал кое-что новое для себя о немецких пулеметах, которые мы часто захватывали в бою, как трофеи. Оказывается, эти пулеметы были не только легки, но они еще имели сказочную скорострельность, в 2-6 раз превышавшую скорострельность «Максима». В ответ на один выстрел «Максима» немецкий пулемет мог послать 2-6 пуль. А в бою главное – упредить в открытии огня. Эти пулеметы имели запасные, легкозаменяемые в бою стволы и практически бесконечную металлическую пулеметную ленту.

По Версальскому мирному договору Германии было запрещено иметь большую армию, строить линкоры и подводные лодки, производить пулеметы. Но, тайно вооружаясь, она создала в Швейцарии ко Второй мировой войне лучшие на ту пору в мире пулеметы. Все это я узнал уже от читателей «Записок пулеметчика и юриста», среди которых были бойцы и командиры Великой Отечественной войны, а также из печати о современных пулеметах и оружии пехоты.

Бои под Бреслау, погибшие там старший лейтенант Чернов, мои солдаты Карась и Окунев, покалеченные Калинин, Фахрутдинов, Пальчиковский, Марков, лейтенант-моряк Былда навсегда останутся в моей памяти.

Издавая первую часть своих воспоминаний о войне, я был твердо убежден советской литературой в том, что город-крепость Бреслау был захвачен 6 мая 1945 года войсками 1-го Украинского фронта, и было пленено 40 тысяч гитлеровцев.

Но, прочитав воспоминания о войне Милановского Е.Е. «Воспоминания о годах войны» (Изд-во «Логос», -М. 2005. С. 87, 113), я узнал, что он, владевший несколькими иностранными языками, лично слышал радиосообщение на немецком и английском языках о капитуляции перед нашими союзниками гарнизона Бреслау 7 мая 1945 года (по Реймскому протоколу о капитуляции всех немецких войск). В советской литературе о войне этот протокол почти не упоминается и не раскрывается его содержание.

А вот Герой Советского Союза, летчик Гапеенок Н.И. в своих воспоминаниях пишет: «После взятия Берлина в тылу наших войск продолжала держаться сорокатысячная группировка гитлеровской армии в городе-крепости Бреслау. И 5 мая под командованием командира 6-го гвардейского бомбардировочного корпуса генерала Никишина в 13:15 – 13:30 семьдесят четыре самолета ПЕ-2 нанесли мощный бомбовый удар по войскам окруженной группировки противника в Бреслау. После массированного удара бомбардировщиков, противник прекратил безнадежное сопротивление и капитулировал». («От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 8.» Академия исторических наук, -М., 2007. С. 124). Эти же слова без других подробностей Гапеенок Н.И. воспроизводит и в еще одной изданной им книге «Дорогами Победы» (Щелково. 2002. С. 134).

Однако маршал Конев И.С. очень сухо пишет о капитуляции гарнизона Бреслау 6 мая 1945 года, никак не связывая это событие с указанной бомбежкой, о которой он, безусловно, знал.

Так была ли капитуляция Бреслау, по Реймскому протоколу, 7 мая 1945 года, или, всё же, она была 6 мая?

Для меня это пока что остается большой загадкой, требующей объяснения. Большой и трудный путь к правде о

войне до сего времени еще не завершена. Многие факты, события войны в последних работах разных авторов предстают в новом свете. Как ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Вооруженных Сил СССР и РФ, военный юрист я должен сделать некоторые общие выводы о войне и армии.

Общество должно знать правду о войне, помня не только о триумфах и парадах, но и об ошибках и трагедиях войны, не только о героях, но и об изменниках, предателях.

Печать часто обвиняет в напрасных человеческих потерях «генералов-троечников». Я в своей книге «Записки пулеметчика и юриста» утверждаю, что «троечниками» на войне зачастую были и капитаны, и лейтенанты.

Вспоминая бои, я всегда спрашивал и спрашиваю себя: «А все ли ты, лейтенант Федоров, сделал тогда в бою или перед боем, чтобы не подставить напрасно под пули и взрывы своих безотказных солдат и сержантов? Мог ли ты спасти тех, кто уже более 60 лет лежит в братских могилах от Волги до центра Европы? Не потому ли я живу, что умерли они, ушли из жизни, как солдаты, в совсем еще молодом возрасте, не долюбив, не докурив последней папиросы?»

Необходимо обязательно проводить идеологическую подготовку в армии и среди населения. Ведь главным компонентом рецепта любой победы является не преимущества в оружии и технике, а духовное превосходство армии и народа над противником. В Великой Отечественной войне мы победили за счет истинного патриотизма, благодаря любви к Родине и сплоченности всего населения вокруг общенациональной идеологии, высоких идеалов и помыслов.

Декабрь 2008 года

В подготовке, оформлении текста воспоминаний оказали помощь студенты Московского государственного социально-гуманитарного института –

Видрашко Ирина Вадимовна
(факультет книгоиздания и редактирования, 3-й курс)

и

Калинченко Наталья Александровна
(юридический факультет, 2-й курс)